

УДК 316.6
ББК 88.5
Ф55

Филоненко, Константин

Ф55 Путеводитель по современным страхам. Социология стрёма/
Константин Филоненко. – Москва : АСТ, 2020. – 272 с. – (Науч-
поп psychology).

ISBN 978-5-17-126961-6

В детстве многие из нас любили собираться в летнем лагере у костра и рассказывать леденящие кровь истории про черную руку, гроб на колесиках или заброшенный дом, населенный призраками бывших владельцев. Но дети вырастают, а некогда устный фольклор перебирается в интернет и обрастает новыми «осовремененными» подробностями: из старых чуланов монстры переселяются в подъезды многоэтажек, а неуспокоенные души мертвецов теперь обитают на старых флешках и сайтах-однодневках. Эта книга – попытка ответить на вопрос о том, связаны ли страшные истории в интернете с социальной реальностью и чем обусловлены те чувства, которые мы испытываем от их чтения.

Автор – Константин Филоненко, социолог, исследователь и создатель подкаста «Социология стрёма» на «Глаголев FM».

УДК 316.6
ББК 88.5

ISBN 978-5-17-126961-6

© Константин Филоненко, текст, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Предуведомление

Эта книга — попытка ответить на вопрос о том, связано ли то, о чем рассказывают страшные истории в интернете, с социальной реальностью, общественной жизнью и чем обусловлены те чувства, которые мы испытываем от их чтения.

Она не является научным трудом, скорее интеллектуальным упражнением, попыткой разобраться в вопросе, что называется, для себя. Здесь целью является не конечная точка, не утверждение истины, а путешествие, собранные по пути наблюдения и небольшие открытия.

Название «Социология страма» — это описание метода, который я использую для написания этих текстов. Здесь я понимаю социологию как язык для описания явлений, взгляд на поведение и проявления жизни людей как представителей больших групп. В нашем случае этими проявлениями служат страшные истории, которые люди рассказывают друг другу в интернете. Еще такое название — это игра на контрасте:

социология — это серьезная наука, которая занимается вопросами существования целых обществ, а «стрем» — нечто

низкосортное, низменное, возможно, даже постыдное. Социология устанавливает взаимосвязи между социальными явлениями, описывает их, вырабатывает инструменты для исследования общества, в то время как стрем – это оценочное, субъективное, предзаданное описание.

Такой контраст нужен, чтобы, с одной стороны, сбить серьезность с этого исследования, а с другой – показать, что и, казалось бы, неважные страшилки могут стать объектом анализа, результаты которого могут сделать их еще интереснее, а не скучнее, как это часто бывает в академических изысканиях о популярной культуре.

Почти все истории, приведенные в этой книге, взяты с портала «Мракопедия» – открытого онлайн-сборника темного фольклора, городских легенд и просто страшных историй, который подвижническим трудом собирает группа крипи-энтузиастов. Я намеренно взял только один большой источник и языковой сегмент (в англоязычном интернете таких библиотек и сборников довольно много), чтобы сузить поле и потренироваться в применении метода.

В первой части книги я рассказываю о том, что такое «крипипаста», как она вызывает те чувства, ради которых к ней обращаются, и каковы социальные причины такого обращения. Далее я разбираю повторяющиеся мотивы крипипаст, для чего выделяю четыре основных тематических блока. Завершается книга несколькими набросками того, как можно изучать страшное, используя социологическую тео-

рию и методологию, можно сказать, я «перебрасываю мостик» для будущих исследований.

В тексте встречаются и сами крипипасты. Все они взяты из «Мракопедии», соответствующие ссылки я указываю. Именно эти истории выбраны не из-за их качества (мои любимые крипипасты – совсем другие, в книге я их почти не цитирую). Они были отобраны по следующим параметрам: тема, сюжет и краткость, потому что большие истории превратили бы текст не в исследование страшного, а в сборник крипипаст с комментариями (что, впрочем, не такая уж плохая идея).

Идея этой книги выросла из подкаста «Социология страма», который выходил на интернет-радио «Глаголев FM» (оно пережило ребрендинг и теперь называется «Темная материя») с марта 2018 года. Некоторые материалы оттуда я использовал здесь, но в целом это более расширенная, чем в подкасте, версия разговора на тему страшного.

За подготовку текста я благодарю всех моих друзей, с которыми я обсуждал эту книгу и все вопросы, с ней связанные. А также Марию Волкову, соавтора доклада «Группы смерти: от игры к моральной панике» за помощь в подготовке раздела о Синих китах и играх альтернативной реальности, Эсту Матвееву за консультацию о детских крипипастах, «Клуб любителей интернета и общества» и лично Леонида Юлдашева и Полину Колозариди за критику с академической стороны и указания на теоретические огрехи,

Владимира Тарасова, блестящего программиста, и аналитика Марка Айзенштадта за работу с контентом «Мракопедии», Дмитрия Карасева за помощь с социальной теорией. Отдельно благодарю Машу Поляк, которая помогала преодолевать сомнения, сопутствующие написанию любого большого текста.

Истоки социологии стрема

Когда мне было 12 лет, меня впервые отправили на лето в санаторий под Евпаторией. Это был обычный детский летний лагерь, за исключением того, что первая половина дня была занята всякими оздоровительными процедурами и спортивными тренировками. В остальном все было так же, как в других лагерях — дискотеки, гитары, компании и отношения у тех, кто постарше. Мне все казалось просто невероятно захватывающим. Тогда я впервые соприкоснулся с детской культурой потустороннего — конечно же, мы вызывали пиковую даму и матного гномика. Один мальчик умел строить карточные домики, и в темноте создавалось впечатление, что, если засунуть палец в одну из секций такого домика, можно ощутить «могильный холод». Это был «портал», через который и призывались всякие сущности.

На территории санатория было несколько старых зданий, самым интересным из которых казался «заброшенный изолятор». Изолятор — это место, куда переселяют тех, кто заболел. Почему-то в том санатории был построен новый изолятор, а старый просто заколотили. Одна из вожатых перед отбоем как-то рассказала историю про то, почему заброшенный изолятор стал заброшенным. Я сейчас не могу вспомнить эту историю цели-

ком, но речь шла о каком-то умершем там ребенке, чей неуспокоенный дух терроризировал всех, кто туда попадал. А из-за какого-то совсем уж потустороннего случая директора санатория уволили. Пришедший ему на смену директор первым делом приказал построить новый изолятор, а старый заколотить.

Разумеется, все оставшиеся дни во время дискотеки мы сбегали к старому изолятору, чтобы в вечерних сумерках заглядывать в щели между досками в его окнах. Время от времени кто-нибудь видел шевелящиеся тени внутри, и мы в ужасе бежали обратно.

Когда я вернулся, я стал спрашивать у моих друзей и одноклассников, было ли у них что-то подобное. Оказалось, что больше чем половина из них занимались в своих летних лагерях такими же эзотерическими практиками с вызовом духов. Более того, у многих были точно такие же, как про старый изолятор, истории про свои лагеря. Меня это поразило не меньше самой байки. Я не питал иллюзий и понимал, что такая история имеет скорее развлекательную, чем информационную функцию. Однако с повторяющимся сюжетом я столкнулся впервые.

Мне очень понравилось это ощущение жути, которое я испытывал, когда слушал (или даже когда пересказывал) такие страшилки, поэтому я стал искать их в интернете. На самом деле это довольно типичный способ полюбить такой жанр — похожие истории часто пишут в тредах и в комментариях к постам, вроде «как вы полюбили крипипасты».

Еще вспоминаю момент из студенческой жизни, когда на одном из последних курсов мы с однокурсниками проводили

время дома у кого-то из нас и решили ночью сходить в ближайший кинотеатр. Было около часа ночи, и мы успевали только на последний сеанс — это был фильм «Астрал». Вполне обыкновенный фильм ужасов, может, чуть более страшный, чем средний представитель жанра. Однако меня тогда поразило, что, во-первых, был почти полный зал, а во-вторых, все зрители (да и мы тоже) буквально визжали от ужаса. Обычно на участках в кино действительно кричат, но только на скримерах и со смехом. Меня поразило, что люди намеренно поместили себя в страшную ситуацию и им не обязательно разрядка в виде смеха, которая, как мне казалось, обязательная спутница фильмов ужасов. Я будто заново открыл для себя этот жанр. Это вдруг очень породнило фильмы с крипипастами, сетевыми страшилками, которые тоже читают, чтобы похолодеть от ужаса, а не чтобы похрабриться перед теми, кто тоже не столько следит за историей, а, что называется, пытается сохранить лицо перед навязываемыми авторами реакциями страха.

Был и третий момент, после которого я решил более внимательно относиться к страшилкам и крипипастам и попытаться понять, что именно меня пугает и привлекает в жутких историях, фильмах и играх. Когда-то я работал новостником на одном сайте. Новости должны выходить круглосуточно, поэтому время от времени бывали ночные смены. Работать всю ночь было нелегко, особенно поначалу, поэтому я постоянно искал какие-нибудь новые способы борьбы с сонливостью. На каком-то сайте я вычитал, что неплохо взбодриться помогут фильмы ужасов и страшные истории. Когда в следующий раз во время ночной смены я почувствовал, что хочется спать, я открыл «Мракопедию» и стал читать все подряд.

Я сидел в редакции один, был приглушенный свет: очень правильная для такого чтения обстановка. Все кончилось тем, что я целый час читал страшилки и пропустил из-за этого важную новость; но спать действительно больше не хотелось.

Эта книга не преследует цель разоблачить суеверия или объяснить, что те или иные слухи или истории — неправда, для этого есть другие исследования. Наша задача здесь — разобратся, почему пугающие истории имеют именно такую форму, как они распространяются и какие у них истоки, увидеть, как фольклор приспособливается к условиям жизни, новым технологиям.

Здесь мы пройдем через несколько тем, чтобы попытаться понять, для чего эти истории рассказываются именно так и почему именно об этом.

Я называю метод, которым я действую, социологическим, потому что социология изучает людей как представителей больших групп и любые проявления их жизни могут стать предметом анализа. В университете я занимался социологией кино. С социологической точки зрения кино можно изучать через анализ того, какие люди смотрят тот или иной фильм и как он в них отзывается, а можно рассмотреть кинематограф как пример социального действия и способа общения одних групп с другими. Страшные истории тоже интересуют меня как проявления социальности, коммуникация, которую можно разбирать и анализировать.

Когда я учился на соцфаке, у каждого преподавателя была своя версия того, когда появилась первая социологическая

анкета. Наиболее прогрессивные относили самые первые оформленные количественные анкеты к концу XVII века (Якуб Бернулли, Швейцария), другие – к концу XVIII века (Джон Синклер, Шотландия), а профессора старой закалки приписывали первую социологическую анкету Карлу Марксу, который сделал ее в 1880 году (когда «знакомился с повседневным бытом рабочего класса» в Лондоне).

Лично я обнаружил самое раннее упоминание о первой анкете в книге Жана Делюмо «Ужасы на западе», где он описывает текст середины XV века, написанный в монастыре города Турне на территории современной Бельгии. Это был опросник для духов.

В книге заклинаний середины XV века настоятеля из Турне содержится, кроме прочего, два вопросника, предназначенные для окаянных душ и душ из преисподней.

Душе из Чистилища:

1. Чей ты есть (или был) дух?
2. Долго ли ты находишься в преисподней?
3. Что было бы тебе на пользу?
4. Почему ты появился здесь и почему ты появляешься здесь чаще, чем в других местах?
5. Если ты добрый дух, страждущий Божьей милости, почему ты принимаешь, как свидетельствуют, обличье разных зверей и животных?

6. Почему ты появляешься в определенные дни?

Окаянной душе:

1. Чей ты есть (или был) дух?
2. Почему ты осужден на вечные муки?
3. Почему ты приходишь, как свидетельствуют, чаще всего на это место?

4. Будешь ли ты запугивать живых?
5. Желаеть ли ты проклятия странникам? (Все мы на этом свете странники.)
6. Что ты выбираешь — небытие или муки в геенне?
7. Какие адские муки самые страшные?
8. Является ли проклятие, то есть лишение зреть Господа Бога, более мучительным, чем чувственные страдания?

Эти опросники появились не случайно, их нельзя списать на суеверность или мистический взгляд на мир, они — отражение определенной общественной дискуссии.

Людям было важно знать, могут ли вообще души умерших появляться среди живых и для чего это нужно — происходит ли это по их собственной воле или по божественной, сообщают ли они какие-то важные сведения тем, кому являются, или, наоборот, просят ходатайствовать и молиться за себя. Какой смысл вообще в призраках, могут ли души или духи быть в этом мире, есть ли для них специальное место. Нельзя забывать о том, что именно тогда ведутся большие споры о Чистилище — есть ли хоть какая-нибудь возможность посмертного искупления или из Ада нет выхода. По сути, именно эта идея и подстегивает размышления о том, что, чтобы попасть в лучший мир, можно претерпеть какие-то мьтарства. Возможно, это даже будет происходить где-то недалеко от мира живых — например, у Данте Чистилище находится просто на другом полушарии, но вполне в нашем мире. Призрак или дух в контексте этой дискуссии становится пусть и не сильно, но чуть менее потусторонним существом, живущим неподалеку и имеющим такой же опыт, без багажа адских или райских видений.

Получается, что формализованное посредством анкеты интервью с духами — очень социологический подход, когда прежде чем решить, что именно делать с проблемой, мы должны вначале ее изучить и понять, в какие структуры она вписана. Попытка вступить во взаимодействие с духами — это прежде всего попытка коммуникации, выстраивания отношений, которые должны будут вписаться в уже существующую сеть. Кроме того, сами эти попытки говорят о том, что герметичная, сословная, завязанная на семейных отношениях структура европейского общества Нового времени требует разомкнутости.